

РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия»

Подросток и его права

Москва
2014

Составители: **Н. Дзядко, В. Сергеев, М. Поливанова**

Научный редактор: **Р. Чиркина**

Ответственный за выпуск: **В. Сергеев**

Оформление: **П. Зюмкин**

Подросток и его права. Серия «Дети в тюрьме».

Выпуск 10. — М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2014. 64 с.

Сборник посвящен проблемам соблюдения прав подростков, основан на рассказах воспитанников российских воспитательных колоний, в которых, по словам Людмилы Улицкой, «правда о нас самих, о нашем обществе, о нашем государстве».

Адресован родителям, педагогам, социальным работникам, психологам, специалистам, работающим с несовершеннолетними.

В сборнике использованы тексты и рисунки воспитанников Новооскольской и Можайской воспитательных колоний, СпецПТУ г. Кострома из архива РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия».

Издано в рамках проекта «Малолетка: правовой ликбез». При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 18.09.2013 № 348-рп» и на основании конкурса, проведенного грантодателем ООД «Гражданское достоинство».

ДЛЯ БЕСПЛАТНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ

© РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2014

© П.Зюмкин, оформление, 2014

Мы выражаем благодарность руководству и сотрудникам Новооскольской воспитательной колонии УФСИН России по Белгородской области, Можайской воспитательной колонии УФСИН России по Московской области — за заинтересованность, неравнодушное отношение и помощь в организации нашей работы с подростками.

Мы также благодарны Научно-исследовательской лаборатории проблем социализации и защиты прав несовершеннолетних ГБОУ ВПО «Московский городской психолого-педагогический университет» — за методическую помощь и консультации, которые помогли нам при осмыслении материалов, вошедших в данный сборник.

И, конечно, спасибо всем ребятам-осужденным, которые поделились с нами воспоминаниями из своей жизни, чьи сочинения легли в основу этой брошюры.

Содержание

Быть на стороне подростка	
Наталия Дзядко	7
Валерий Сергеев	9
Из Конвенции о правах ребенка	11
Недетские истории	15
День рождения. История Ани Петровой	16
Правосудие для несовершеннолетних	17
Мое детство не очень веселое... ..	19
Полиция — ИВС — СИЗО — воспитательная колония	
Международные стандарты	24
Подростки в СИЗО	25
Мой первый день за решеткой	27
И опять этап... ..	31
Наказание	
Международные стандарты	35
В воспитательной колонии. <i>Жанна Никулина</i>	37
Неволя как обыденность... ..	41
Подростки о правах человека. <i>Наталия Дзядко</i>	43
Здесь мир совсем другой	49
Когда я выйду на свободу... ..	53
Способствовать развитию самоуважения	
и уважения к другим людям... <i>Елена Осипова</i>	55
«Трудные дети» — тематические дискуссии в ЦДХ	57

Быть на стороне подростка

Наталия Дзядко

У известного французского психоаналитика и писательницы Франсуазы Дольто* есть книга под названием «На стороне подростка», которая отражает её профессиональную позицию в отношении «недетских» проблем детей. Такой угол зрения более всего близок и нам — все справедливо, конечно, на стороне подростка, а на чьей же ещё стороне нам быть?

Мы занимаемся несовершеннолетними, отбывающими наказание в воспитательных колониях, и «трудными» подростками на воле, стараемся помочь им разобраться с собственными проблемами и удержаться от повторного нарушения закона.

Одновременно нам хочется понять, насколько защищены права этих ребят. Сейчас и раньше, ещё до того, как они стали «трудными», «угодили за решетку»...

Все ли сделано государством и нами, взрослыми, чтобы их права были соблюдены?

На эти вопросы отвечают подростки-правонарушители, отбывающие наказание в воспитательных колониях или содержащиеся в спецПТУ.

Не часто, но встречается мнение, что они сами виноваты в том, что с ними произошло, что они оказались за решеткой. Считается, что с ними уже провели множество профилактических бесед, применили все возможные санкции. И теперь крайняя мера — тюрьма. Которая сама по себе перевешивает все предыдущие испытания, выпавшие на

* На стороне подростка / Франсуаза Дольто; [перевод с фр. А. К. Борисовой; предисл. М. М. Безруких]. — Екатеринбург: Рама Паблишинг, 2010. — 423, [1] с. — (Серия «Авторитетные детские психологи»).

долю ребенка, все его столкновения с жизнью, с реальным миром, и взрослых, и своих сверстников. Это самое сильнодействующее средство, которое не требует ничего сверх того, чем оно является по определению — лишение Свободы.

Надо отдать должное подросткам-заключенным — чаще всего они сами вины с себя не снимают, хотя это, скорее, не раскаяние, а досада и сожаление об упущенных возможностях — «гулял бы сейчас с друзьями, был бы дома с родными — надо было слушаться маму!».

Говоря о правах человека, мы говорим об отношениях человек — государство, и не только о тех, которые проверяются Уголовным кодексом, вопрос гораздо шире. Государство заботится, должно заботиться обо всех детях, исходя из тех обязательств, которые оно имеет перед всеми своими гражданами и которые сформулированы в законодательстве. Соблюдение прав ребенка при этом является приоритетом.

Международные соглашения, которые подписала Россия, говорят о том, что все, что ни делает государство, должно отвечать, прежде всего, интересам ребенка. Даже если он — «трудный» или «правонарушитель».

В сборнике приводятся истории и рассказы подростков, идущих по скорбному тюремному пути: вот так они жили до тюрьмы, вот первый день за решеткой, этап, жизнь в колонии и планы на вольную жизнь.

Мы благодарим мальчиков Можайской воспитательной колонии, девочек Новооскольской воспитательной колонии, подростков Костромского спецПТУ, принявших участие в этой непростой работе.

Валерий Сергеев

«Именно права человека делают нас людьми», — сказал на 50-летнем юбилее принятия Всеобщей декларации о правах человека бывший Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан. «Они являются основой человеческого существования и сосуществования. Они являются всеобщими, неделимыми, взаимосвязанными. Они являются теми принципами, при помощи которых мы создаем священный дом для человеческого достоинства... Права человека не чужды ни одной культуре и естественны для всех народов. Терпимость и милосердие всегда служили идеалами государственного управления и человеческого поведения. Сегодня мы называем эти идеалы правами человека».

Всё множество международных документов о правах человека, разработанных мировым сообществом до и особенно после Второй мировой войны в рамках ООН и Совета Европы, исходят из того, что для выживания нашей цивилизации всё должно делаться в интересах человека. Всеобщая декларация прав человека провозгласила, что дети имеют право на особую заботу и помощь. Конвенция о правах ребенка, принятая в 1989 году, закрепила это понимание в своих положениях, и теперь они обязательны практически для всех стран мирового сообщества.

В Конвенции впервые сделан акцент на ребенке как субъекте права. Государства-участники Конвенции обязаны одновременно реализовать два подхода: во-первых, обеспечить детям должную заботу и защиту, во-вторых, дать возможность быть услышанными — самим или через своих законных представителей.

«Быть на стороне ребенка» — основополагающий принцип Конвенции.

«Во всех действиях в отношении детей независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка». (Ст. 3.1.)

Наши подопечные — несовершеннолетние осужденные, отбывающие срок в воспитательных колониях, про права человека обычно не слышали ничего конкретного. В основном, они знают то, что они есть, но где-то «там, не в этой жизни». И, конечно, права человека не стали для них ни помощником-инструментом, полезным в решении проблем, ни лекалом, по которому они сверяют свою жизнь.

Эти дети — «трудные», причем настолько, что находятся за заборами колоний для несовершеннолетних, порой, на многие годы. Их родители — разные, но большей частью любимые своими детьми, какими бы они не были. Нам кажется, что и те, и другие — во многом сами жертвы — жизненных обстоятельств и всего, чем они обусловлены: воспитания, материального положения, образования, чиновничьего безразличия...

Ребенок, нарушивший закон, имеет право на такое обращение, которое способствует развитию у него чувства достоинства и значимости, учитывает возраст ребенка и направлено на его реинтеграцию в общество. Так говорится в ст. 40 Конвенции о правах ребенка.

Но сегодня, как непробиваемые аргументы правды жизни, мы продолжаем слышать от подростков, нарушивших закон: «А мои права нарушались с самого начала...».

Истории детей, которые приводятся в этой брошюре, на самом деле, обо всех нас, они дают нам лишний повод задуматься, все ли мы сделали в интересах своих детей.

Из Конвенции о правах ребенка

Конвенция о правах ребенка принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года.

Статья 3

1. Во всех действиях в отношении детей, независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка.
2. Государства-участники обязуются обеспечить ребенку такую защиту и заботу, которые необходимы для его благополучия, принимая во внимание права и обязанности его родителей, опекунов или других лиц, несущих за него ответственность по закону, и с этой целью принимают все соответствующие законодательные и административные меры.
3. Государства-участники обеспечивают, чтобы учреждения, службы и органы, ответственные за заботу о детях или их защиту, отвечали нормам, установленным компетентными органами, в частности в области безопасности и здравоохранения и с точки зрения численности и пригодности их персонала, а также компетентного надзора.

Статья 12

1. Государства-участники обеспечивают ребенку, способному сформулировать свои собственные взгляды, право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим ребенка, причем взглядам ребенка уделяется должное внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребенка.
2. С этой целью ребенку, в частности, представляется возможность быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства, затрагивающего ребенка, либо непосредственно, либо через представителя или соответствующий орган, в порядке, предусмотренном процессуальными нормами национального законодательства.

Статья 27

1. Государства-участники признают право каждого ребёнка на уровень жизни, необходимый для физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития ребенка.
2. Родитель(и) или другие лица, воспитывающие ребенка, несут основную ответственность за обеспечение в пределах своих способностей и финансовых возможностей условий жизни, необходимых для развития ребенка.
3. Государства-участники в соответствии с национальными условиями и в пределах своих возможностей принимают необходимые меры по оказанию помощи родителям и другим лицам, воспитывающим детей, в осуществлении этого права...

Статья 37

Государства-участники обеспечивают, чтобы:

- a. ни один ребенок не был подвергнут пыткам или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания. Ни смертная казнь, ни пожизненное тюремное заключение, не предусматривающее возможности освобождения, не назначаются за преступления, совершенные лицами моложе 18 лет;
- b. ни один ребенок не был лишен свободы незаконным или произвольным образом. Арест, задержание или тюремное заключение ребенка осуществляются согласно закону и используются лишь в качестве крайней меры и в течение как можно более короткого соответствующего периода времени;
- c. каждый лишенный свободы ребенок пользовался гуманным обращением и уважением неотъемлемого достоинства его личности с учетом потребностей лиц его возраста. В частности, каждый лишенный свободы ребенок должен быть отделен от взрослых, если только не считается, что в наилучших интересах ребенка этого делать не следует, и иметь право поддерживать связь со своей семьей путем переписки и свиданий, за исключением особых обстоятельств;
- d. каждый лишенный свободы ребенок имел право на незамедлительный доступ к правовой и другой соответствующей помощи, а также право оспаривать законность лишения его свободы перед судом или другим компетентным, независимым и беспристрастным органом и право на безотлагательное принятие ими решения в отношении любого такого процессуального действия.

Статья 40

Государства-участники признают право каждого ребенка, который, как считается, нарушил уголовное законодательство, обвиняется или признается виновным в его нарушении, на такое обращение, которое способствует развитию у ребенка чувства достоинства и значимости, укрепляет в нем уважение к правам человека и основным свободам других и при котором учитывается возраст ребенка и желательность содействия его реинтеграции и выполнению им полезной роли в обществе.

Недетские истории

Идеальной жизни, идеальной судьбы невозможно себе организовать — наш взрослый мир сложен: мы влюбляемся, сходимся-расходимся и постоянно совершенствуем способы цивилизованного решения сложных вопросов взрослых и взросло-детских отношений так, чтобы максимально уважались права каждого члена общества. Но взрослый мир на первых этапах развития ребенка — определяющий, и чем больше родители пьют, употребляют наркотики, безмерно заняты своими взрослыми делами или сами нарушают закон — тем меньше их, родительского, внимания достается ребенку, тем больше он оказывается «пораженным в правах».

И в самой обыкновенной, ежедневной жизни мы постоянно сталкиваемся с несправедливостью, источники которой и в несовершенстве человеческой натуры, и в недостатках законодательства, его декларативности и плохо проработанных механизмах реализации.

Вот случай из жизни молодой, совершенно благополучной девушки...

День рождения

История Ани Петровой

«Мне совсем недавно исполнилось 24 года, моей подруге в этот же день — 23. День рождения мы с ней отметили у нас дома, с родителями, потом пошли гулять, встретились с друзьями, зашли в Макдональдс, купили бутерброды и колу, расположились на набережной, на лавочке, нас было десять человек. Мы совсем не шумели, да и было ещё не поздно — только-только одиннадцать — но подъехали полицейские, забрали меня и ещё двух девочек, отвезли в отделение и сказали, что будут оформлять распитие в общественном месте и штраф. В случае несогласия — «продув» и опять штраф...

Никаких вещественных доказательств, никаких улик, но в результате — 500 Р с каждого плюс бесконечные звонки, нервы родителей и обида, до слез — как же так, ведь не было распития?!»

Аня несколько старше тех ребят, которые отбывают наказание в воспитательных колониях, и, казалось бы, может постоять за себя, но в данном случае, отстоять свои права, восстановить справедливость и просто быть услышанным — оказалось невозможным. И это такой, очень «диетический» пример. Что тогда ожидать от полиции, когда в ситуации участвуют действительно «трудные» подростки...

Правосудие для несовершеннолетних

Пекинские правила

«Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (*Пекинские правила*)» Приняты 29.11.1985 Резолюцией 40/33 на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН.

Международное сообщество договорилось о том, что каждая страна должна любые свои действия предпринимать, прежде всего, в интересах ребенка. Пекинские правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, рекомендуют, чтобы контакты между органами по обеспечению правопорядка и несовершеннолетним правонарушителем осуществлялись «таким образом, чтобы уважать правовой статус несовершеннолетнего, содействовать благополучию несовершеннолетнего и избегать причинения ей или ему ущерба, с должным учетом обстоятельств дела» (*ПП, комм. к п. 10.3*).

Пекинские правила указывают на важность первоначального контакта несовершеннолетнего с органами по обеспечению правопорядка, поскольку он может оказать весьма значительное влияние на отношение подростка к государству и обществу. Кроме того, от него зависит успех и дальнейшей работы с правонарушителем. Поэтому рекомендуется использовать мягкий, но требовательный подход.

Поскольку прежде всего несовершеннолетний контактирует с полицией, крайне важно, чтобы она действовала квалифицированно и должным образом. И Пекинские правила рекомендуют (*ПП, п. 12.1*), чтобы «служащие полиции, которые часто или исключительно занимаются несовершеннолетними или которые

главным образом занимаются предупреждением преступности несовершеннолетних», прошли специальный инструктаж и подготовку.

Согласно Пекинским правилам, следует развивать службы правосудия в отношении несовершеннолетних, принять «комплекс законов, правил и положений, которые относятся непосредственно к несовершеннолетним правонарушителям и учреждениям и органам, в функции которых входит отправление правосудия в отношении несовершеннолетних». И всё это для того, чтобы они «могли удовлетворять потребности несовершеннолетних правонарушителей, защищая при этом их основные права». Одновременно при этом будут удовлетворяться и потребности общества.

Сама система правосудия в отношении несовершеннолетних должна быть направлена в первую очередь «на обеспечение благополучия несовершеннолетнего и обеспечение того, чтобы любые меры воздействия на несовершеннолетних правонарушителей были всегда соизмеримы как с особенностями личности правонарушителя, так и с обстоятельствами правонарушения. (ПП, 5.1).

Государства должны стремиться к тому, чтобы обеспечить «содержательную жизнь подростка в тот период его жизни, когда он наиболее склонен к неправильному поведению». Органы власти должны создавать условия, которые будут «благоприятствовать процессу развития личности и получения образования, в максимальной степени свободному от возможности совершения преступлений и правонарушений».

При назначении санкций Правила рекомендуют учитывать желание правонарушителя «компенсировать ущерб, нанесенный жертве, и его желание вести полноценную и полезную жизнь».

Кроме того, государствам-участникам «Следует систематически развивать и координировать службы правосудия в отношении несовершеннолетних в целях повышения и поддержания на должном уровне квалификации персонала этих служб, включая их методы, подходы и отношение» (п.1.6).

Мое детство не очень веселое...

Каждая история — это страница жизни конкретного подростка, который был или ещё сейчас находится в воспитательной колонии или спецПТУ.

Меня зовут Егор. Отца у меня нет. Это чем-то хорошо и чем-то плохо. Чем хорошо, что его нет? Никто не упрекает, не бьёт за провинность, не орёт на мать, нет ссор. А плохо тем, что никто не поможет, не поддержит любящим отцовским словом, не даст по заду в трудную минуту. И хватит про отца.

Моя мама работает на четырёх работах, пытается прокормить меня и сестру младшую, которую зовут Арина. Арина пытается учиться и быть прилежной, аккуратной. Маме приходится много работать, так как надо расплачиваться за кредит. Как ни странно, мама помогает мне во всём. Я ей завидую: она умудряется воспитывать двух детей и ещё отработать,

прийти домой, нас накормить, помочь сделать уроки сестре и мне. Помогает во всём. Может поддержать добрым словом, хорошим настроением, лаской, добротой и своей красивой улыбкой. Моя мама самая красивая, добрая, умная и отзывчивая. Мама у меня одна, и такой мамы, по-моему, ни у кого нет. Я пытаюсь звонить своей маме, поздравлять её с каждым праздником. И мама также. Знаю, что когда встречу опять с мамой, расцелую её, обниму, помогу ей всем, чем смогу.

Моя судьба сложилась так, потому что ко мне приклеились нехорошие друзья. С ними я начал прогуливать школу, воровать. И нелёгкая привела меня в СпецПТУ города Костромы. Я подумал обо всём, пролил много слёз и понял, что мне здесь будет плохо. Я знаю, каким был дураком, но теперь могу быть уверен в себе, и я не подведу.

Егор Б., 16 лет

Зовут меня Маша, мне 16 лет. Я жила в благополучной семье. У меня есть мама и старший брат, ему 25. Они очень меня любят. Как и все подростки в свои годы, я любила погулять. Начала курить, когда мне было 9 лет, после смерти моего отца. Начала гулять с ребятами старше моего возраста. Все в компании умели курить, выпивали спиртное, и я научилась от них. Со временем я попробовала воровать в магазинах из-за адреналина. Когда я села в тюрьму, мне было 14 лет. Сажу за убийство. Вообще я защищалась, и поэтому получилось так, что я убила своего отчима. Он ко мне приставал. Адвокат пытался добиться от суда, чтобы мне переквалифицировали статью на превышение самообороны. Но суд не применил эту статью. Сейчас я задумываюсь об УДО, но срок у меня большой, и до УДО далеко. Очень хочу домой.

Мария Г.

Живу я с бабушкой и сестрёнкой. Мама есть, но не живёт с нами. Моя судьба сложилась так, потому что я дома связался не с теми друзьями. А когда я был на суде, меня даже не привели к родителям.

Марк К., 17 лет

Мое детство — оно не простое, а особенное. Мне очень нравилось гулять после школы в садах в летнюю погоду. Лучшей подруги у меня не было никогда, зато у меня были три лучших друга. Я очень любила качаться на тарзанке и строить шалашики. Мои родители развелись, когда мне было 6 лет, и я осталась жить с мамой. В 9 лет я начала общаться с плохой компанией и начала курить. С отцом я виделась раз в неделю. Но когда мне исполнилось 12 лет, он переехал в другой город. И тогда я перестала слушаться мать. В 13 лет попробовала алкоголь. В 6 классе оставалась на 2 год. Потом перешла в училище, там училась на штукатур-маляра и получила статью.

Виктория Н., 16 лет.

Мое детство не очень веселое. Когда я была маленькая, родители пили, папа маму обижал, бил и т. д. Меня моя бабушка забрала к себе, и я у нее была до 5 лет. Потом мама перестала пить и меня забрала. Мы жили одни, было очень хорошо, мама со мной ходила в цирк, купаться, ну и т. д. Потом она познакомилась с мужчиной и снова начала выпивать, и я начала в 6 лет уходить из дома, жила у бабушек и у друзей, везде, где можно было ночевать. Я все время уходила из дома, когда родители пили. Потом начала курить. В 16 в тюрьму попала. Это меня к хорошему не привело.

Ольга Б., 16 лет.

Мое имя — Кристина. В своей жизни я ничего не видела такого хорошего, только дом, улицу и пьющую мать рядом со мной. Кроме речки я не видела ничего. В школе я училась до 7-го класса хорошо, потом я забила на все и стала пить, гулять. Потом познакомилась с девочкой, и мы с ней начали гулять и решили совершить преступление, когда не хватило денег на выпивку. Я пошла к женщине, чтобы занять у нее денег, т. к. до этого мы снимали у нее квартиру. Мы пришли к ней, она открыла дверь, я зашла и попросила у нее денег, она отказала, и я начала ей угрожать, она кричала «милиция!». Я увела её в комнату, а девчонки пошли искать деньги, нашли их, и мы ушли. По дороге в магазин нас поймали сотрудники милиции. После того меня посадили, наказали на 2 года.

Кристина А.

Я не помню, что происходило примерно до 13 лет моей жизни, но точно помню, что в 13 лет мои родители разошлись, и мама начала жить с отчимом. Отчим — наркоман, курил всякую гадость, избивал маму. С 14 лет я жила у моей сестры примерно до 16 лет. Посадили меня за воровство, я со своей подругой украла телефон за 28 тысяч. Сейчас сижу в колонии. До сих пор не верится, что я сижу здесь.

Виктория Б.

Я проживала с мамой, потом мама запила от того, что ушел папа. Мне это все надоело, я решила, что уйду к бабушке. Собрала все вещи и ушла жить к бабушке. Мне было 6 лет. Пришла к бабушке и сказала ей, что с мамой жить не буду. Бабуля сказала, чтобы я оставалась жить у нее. Через 7 месяцев я пошла в школу, ещё через пару месяцев мы с бабулей решили, что раз я родителям не нужна, бабуля с моего согласия лишит их родительских прав.

У нас с бабушкой все было хорошо до 14 лет. Я училась хорошо, жила дома, а в 14 лет связалась с плохой компанией, начала пить, курить, как говорят — ругаться матом, дома не ночевала — могла месяц, два не приходить домой, но самое главное, хоть я и занималась такой распутной жизнью, я не употребляла наркотики. Мне очень повезло с моей бабулей, она у меня очень хорошая, это я с ней просто так обходилась.

Валерия Б.

Больше всего меня волнует здоровье мамы и братика. Моя мама всё время волнуется за меня, и у неё ухудшилось здоровье, она стала часто болеть. Недавно у неё был инсульт. Я, когда узнал об этом, хотел повеситься, а потом подумал и понял: мама выздоровеет и всё будет хорошо. Мои родители самые лучшие. А моя мама самая прекрасная, красивая, милая, любимая, весёлая, добрая, в меру строгая. За это всё я её люблю. Мой отец тоже самый лучший, потому что его у меня нет, и я не хочу, чтобы он был.

Почему так сложилась моя судьба, я не знаю. Может, из-за того что я родился на этот грёбанный свет. Или из-за смерти близких... Сам не понимаю, почему всё так получилось.

Р.С., 17 лет

Моя жизнь длится уже 18 лет! С самого детства я очень любила веселиться, плясать и общаться с друзьями. Я жила с папой, мамы у меня не было. Она со 2-го класса села в места лишения свободы. И просидела 8 лет.

Эти все годы я провела практически в кругу друзей, но на первом месте у меня была учёба. После девятого класса я пошла в училище и начала жить своей жизнью, но это хорошим не кончилось. Я поняла, что друзья, гулянка — это должно быть в меру, но мне всегда было мало. И в одну прекрасную ночь я натворила много делов. Из-за этого я оказалась тут.

Ольга.

Полиция — ИВС — СИЗО — воспитательная колония

Международные стандарты

Пекинские правила признают опасность криминального влияния, которое оказывается на подростка в следственном изоляторе, и рекомендуют применять заключение под стражу только лишь в качестве крайней меры. А вместо него использовать «постоянный надзор, активную воспитательную работу или помещение в семью или в воспитательное заведение или дом». В интересах благополучия несовершеннолетнего рекомендуется разрабатывать новые и новаторские меры пресечения.

«Быстрое осуществление официального судопроизводства по делам несовершеннолетних является первоочередной задачей. В противном случае все положительное, что могло бы быть достигнуто в ходе разбирательства и вынесения решения, может оказаться под угрозой. Чем дольше длится следствие и суд, тем несовершеннолетнему все труднее, а иногда и невозможно логически и психологически увязать процедуру судебного разбирательства и вынесение решения с самим правонарушением». *(Комм. к п. 20.1.)*

Подростки в СИЗО

Какой путь проходят подростки-правонарушители, прежде чем попасть в условия воспитательной колонии?

Тексты воспитанников рассказывают об их первых впечатлениях от неволи — в отделениях полиции, изоляторах временного содержания МВД (*ИВС*), следственных изоляторах (*СИЗО*). Эти тексты говорят сами за себя. Неуверенность, тревога, страх — вот основные чувства, которые испытывают в первое время попадающие туда подростки. И такие условия создаются государством, обязанным все действия предпринимать в «наилучших интересах ребенка», даже того, кто находится в тюрьме. Более того, подростки, содержащиеся в СИЗО, по закону вина их ещё не доказана, в отношении них ведется следствие или идет суд, им грозит тюремный срок, и они нуждаются в таких условиях, которые позволят им реализовать свое право на получение правовой и другой необходимой помощи при подготовке и осуществлении своей защиты. Вместо этого — тюремная камера со многими неизвестными и новые «друзья», которые, если повезет, помогают пережить стресс, знакомя с местными правилами «игры», отличающимися от тех, по которым живет остальное общество. Следование этим правилам позволяет выжить, но отдаляет от воли. Например, из двадцати подростков, «прошедших» СИЗО № 5 г. Москвы, у четверых было до 39 замечаний, у пяти — до 4-х; взыскания в основном все однотипные, за межкамерную связь. Чтобы в воспитательной колонии рассчитывать на условно-досрочное освобождение, их надо погасить, заработав поощрения добросовестным отношением к учебе и труду, участием в жизни колонии и всяческим примерным поведением. На это могут потребоваться годы, и можно не успеть, прежде чем окажешься во взрослой колонии, где откроются перспективы настоящей

криминальной карьеры. Условно-досрочное освобождение из воспитательной колонии снижает риск криминальной зараженности, соответственно, уменьшает и риск рецидива среди таких подростков. Однако УДО перечеркивается уже на стадии следственного изолятора — взысканиями за межкамерную связь.

Пекинские правила

- 28. Регулярное применение условного освобождения на ранних этапах
- 28.1 Условное освобождение из исправительного учреждения применяется соответствующими органами в возможно более широких масштабах и в возможно более ранние сроки.

Мой первый день за решеткой

Мой первый день за решеткой я провел в непонятном состоянии. Был страх, были непонятные мысли, все было не по себе. Я осознавал, что все-все закончилось, нету рядом родителей, любимой девушки, нету тех вещей, которые ты любил носить, нету ничего, кроме четырех стен, стола и железных шконок. Кормят непонятно как, вода плохая, туалет не пойми какой, и, сидя, думать о плохом нельзя, так как уже хуже ничего не случится... В первый день я увидел, какие бывают люди в общении...

Рустам, 17 лет.

Задержали меня ночью 8 марта. Со мной задержали ещё двоих человек, по подозрению в разбойном нападении и убийстве. После этого нас отвезли в отделение полиции, и там было не сладко. Нас задержали на месте преступления и поэтому пытались выбить чистосердечное признание. Эти сутки в отделении были очень долгими, нас не кормили и не давали курить, у нас отняли шнурки, ремни и всё в этом роде, и посадили в клетку, где всего одна лавочка примерно метровой длины и сантиметров 10 в ширину. И там мы отсидели сутки, а потом нас повезли в суд, где нас официально взяли под арест и увезли на КПЗ г. Ногинск.

Максим С., 17 лет.

Я попал в милицию, когда мне было 13 лет, прямо за 2 дня до дня рождения. А когда меня уже посадили на ИВС, я подумал, что буду там так и сидеть. Там было темно и пусто. Тогда я сразу заплакал и вспомнил маму. Я думал, почему же я её не вспомнил, когда начал воровать? А потом меня забрали на СИЗО. Там я просидел один год и 3 месяца. А потом на зону, здесь вроде все нормально, кормят очень хорошо. Вот такие мои дни за решеткой.

Артём Ж., 14 лет.

Я зашел в камеру, в камере было мрачно, я сел на кровать и подумал, зачем мне все это было надо, и лег спать. Утром я понял, что с этим надо смириться.

Михаил М., 17 лет.

Я никогда не представлял себе, что попаду в места лишения свободы, на тот момент мне было 17 лет. И за 3 месяца тюрьмы я многое понял. Понял, что надо было слушать маму, когда она мне говорила, что я попал в нехорошую компанию. Я её не слушал, воровал и угонял машины, употреблял спиртные напитки в больших количествах.

Когда я приехал на суд, если честно, никогда не думал, что меня посадят за решетку. И когда я сидел в суде, уже вышла судья, дала мне полтора года, потом меня повели, и я оглянулся назад и увидел, как обливается слезами моя мама.

Сейчас нахожусь на лагере, тут нормально. Но на свободе лучше. Первые дни мои проходили так: ни с кем не общался, был замкнутым. Прошла неделя, за ней вторая... Не знаю, как мне назвать это чувство, но сейчас все позади меня, и сейчас я чувствую себя намного лучше. Что сказать, если я попал по своей глупости в такие места? Живя в этом дурдоме, где красные воюют с черными, где каждый живет так, насколько ему хватает мозгов. Когда приезжает мама и моя родная сестра, я чувствую, что был таким дураком и глупым. Я удивился, как изменились они, а они удивились, как изменился я.

Дмитрий И., 18 лет.

В первый день, когда я попал на ИВС, мне стало очень страшно, и я подумал, что моя жизнь закончилась. Когда меня привезли на СИЗО, я понял: все, мне скоро конец. Но когда у меня было первое свидание, то у меня появилась надежда на то, что выйду из СИЗО и пойду домой. Но этого не случилось, я попал на зону. Теперь нет друзей рядом. Нет свободы, нет любимой девушки. А самое главное — нету родных, мамы, папы и всех близких.

Роман Ц., 17 лет.

Меня закрыли прямо на суде и дали срок 3 года, а потом отвезли на ИВС — изолятор временного содержания. Когда я зашел в камеру, я увидел, что она двухместная и снизу кто-то лежит. Двери закрылись со стуком. Ко мне подошел парнишка, помог мне закинуть матрас и сказал мне располагаться. И я потихоньку стал разбирать вещи, потом мы с ним разговорились, я узнал у него, сколько он сидит. Вечером после ужина меня вывели из камеры, чтобы снять отпечатки пальцев и заполнить анкету.

На следующий день из моей камеры парнишку увезли на тюрьму, и я остался один. Я не мог найти себе места, ходил по камере туда-сюда и все вспоминал, как там на воле мне было хорошо, но теперь я здесь. Нервы были на пределе. Так я просидел около недели, один в тусклой камере без солнечного света. Гулять меня водили раза два за все это время.

Спустя неделю рано утром меня заказывают на этап и говорят, чтобы через 15 минут я был готов. Я быстро собрался, свернул матрас и сидел, ждал, пока меня выведут. Мысли были только об одном: куда меня отвезут и как там. Ясное дело, там нехорошо. Потом меня вывели из камеры, я положил вещи в коридоре, и меня закрыли в стакан. Там я просидел около часа, ещё там был мужик. Потом меня вывели, сказали брать вещи и вываливать на стол для обыска. Я быстро вывалил все вещи на стол, меня обыскали и самого. После обыска повели в автозак (*воронок*) и посадили в стакан. Ехали мы часа два. На тюрьму ехало человек 20-25. Нас всех вывели и повели по коридору. Пока мы шли, открывались и закрывались решетки со скрипом и со стуком, мне стало не по себе. Нас завели в сборное отделение, но через несколько минут меня вывели оттуда, посадили в стакан и сказали, что я не могу находиться в сборном отделении со взрослыми мужиками, т.к. я несовершеннолетний. Пока я сидел в стакане, я замерз, стакан был очень маленький. В нем я даже не мог вытянуть ноги, а мысли были только об одном — как я мог сюда попасть? Прошло около двух часов, меня вывели, обыскали и повели в камеру. Пока я шел до камеры, я чуть не заблудился, но вот мы подошли к камере,

и меня повернули сразу лицом к стене. Когда камеру открыли, меня завели туда, и двери закрылись. В камере было четверо мест, и человек, считая меня, было четверо. Я посмотрел на пацанов. Они подошли ко мне, поздоровались, узнали, откуда я, и помогли расположиться. На душе была тоска по родным. И я никак не мог представить, как мне тут придется жить.

Слава С., 18 лет.

Когда я попал в следственный изолятор в сборку, там сидели мужики. В этих мужиках я увидел трех знакомых, они мне рассказали, как надо себя вести. Потом я попал в камеру, где было 5 человек. Они начали доводить меня за понятия, и один говорит: давай наколем тебе наколку, но я сказал, что не буду колоть наколки, потому что обещал матери. А потом меня увезли на этап.

К.А.Ю. 16 лет.

И опять этап...

Из следственного изолятора — этапом в колонию. Этапная система конвоирования была создана в 1817 году и в памяти народной всегда ассоциировалась со страданиями. Многое меняется, только этапы по-прежнему пугают. «Вологодский этап шутить не любит» — говаривали ещё совсем недавно... Да и сами условия в вагонзаке вопиюще неевропейские. Стандартное по размерам (3,5 м²) купе, в котором три яруса полка, вдоль наглухо закрытого окна тоже полка, рассчитано на 12-16 взрослых человек. О госстандартах этапирования «в интересах ребенка» информации нет, однако, со слов самих детей-заключенных это выглядит следующим образом.

«По прибытии этапа он поступает в распоряжение конвойной службы. Выгрузка из вагона — ребята прыгают на землю. Руки за голову, в одной руке вещи. На полусогнутых бегут к железному тросу и крепятся к нему наручниками. Первый тащит ещё и тяжелый мешок, который удерживает трос в неподвижном состоянии. И все это под неумолкающую брань вооруженных охранников и в окружении собак... Перевозят в обычных зеленых вагонах, внешне и не скажешь, что они специальные, внутри плацкарт, три яруса полков.

Вдоль всего вагона сплошная решетка, в которой решетчатые же двери в каждое купе (*отсек*). Окна в каждом отсеке изнутри забраны железными листами, свет из коридора, там обычные окна — не закрашенные, не занавешенные. Вагоны цепляют к любому поезду, передвигаются только ночами, очень долго стоят на запасных путях, в тупиках. Таким образом, самый недолгий переезд занимает сутки — уезжают в 12 ночи и приезжают в другое место тоже ночью.

До поезда везут на автозаке, оттуда по команде спрыгивают и сразу на корточки, руки за голову, постоянные окрики «Голову вниз! голову не поднимать!». Вся эта шеренга на корточках движется по коридору из сотрудников, все с палками и собаками, человек 20. Все свое добро тащат с собой — баулы, сумки, пакеты, как-то удается за спиной пристроить и локтем прижать. Так и добираются до вагона и запрыгивают в него — принимают «по делам», выкрикивают: ФИО, статья, срок.

В каждом купе должно бы быть по 6 человек, загоняют по 10–12. Малолетки и женщины в отдельных отсеках, остальные все вместе, все режимы. Не кормят по двое суток. В туалет все-таки водят, но не всегда. В коридоре дежурят сотрудники, не один, а несколько.

Е. Ч., бывший заключенный Львовской воспитательной колонии

Этап был большой, 49 человек, из них я был один из малолеток, остальные взрослые и женщины. Нас всех загрузили в две машины автозак и повезли на вокзал. Там выводили по одному и пристегивали в цепочку. Менты кричали, чтобы мы сели на корточки, руки за голову. Мы около двух часов сидели в таком положении и ждали столыпинский поезд. Когда он приехал, сказали, чтобы мы встали,

но никто не встал, не оттого, что не хотели, а оттого, что затекли до того, что никто не мог встать. Тогда они стали всех бить и кричали: «Встать, суки...!». Когда нас посадили в поезд по камерам, то я слышал, как в соседней камере «взросло» осуждали ментов, а в последней камере женщины тихонько плакали.

На «пересылке» собрали 17 малолеток и меня в том числе, посадили в машину и повезли в ВК. Мы приехали и, когда открыли дверцу «пенала» в машине, мы выбегали из машины по одному и садились на корточки перед сотрудниками колонии, при этом сразу называли свою фамилию, имя, отчество, статью и срок. Потом мы все встали, и нас повели в карантин, где нас переодели в робу. Через две недели нас подняли в жилую зону.

Василий П.

Никогда не думала, что моё лето пройдет именно так. Этот этап мне запомнился на всю оставшуюся жизнь. Он был ужасный. Мы больше 2 часов находились без воды. Когда приехали на «Воронеж», мы впервые почувствовали к себе негатив от сотрудников и ложь.

Алёна Г., 18 лет.

Мы ехали ужасно, нам было очень жарко. Окна постоянно закрывали. Там мужики, накуривали весь вагон. И очень плохо там было всем. С Ростова на Рязань мы ехали почти 2-ое суток.

Н.

В автозаке нас везли как дрова и было неудобно, 6 часов в машине было для меня мучением.

Лера П., 16 лет.

Когда мы выехали, это сначала показалось хорошо. А потом все началось. Конвоиры разговаривали грубо. В Столыпине нам не всем выдавали кипяток, а в туалет вообще почти не выводили. Этап был ужасный.

Мария Г., 16 лет.

Нас повезли всех вместе. В автозак сажали по 10 человек в камеру, то есть 20 человек в 1 машину, у всех большие сумки, пока мы ехали, они падали на нас, было очень душно и тесно. Затем поезд. В поезде сажали по 10 человек в камеру, в камере 6 полок. На 2-х верхних стояли сумки, на полу тоже. Ложились спать по очереди, и так же было тесно и душно. После поезда — автозак, опять такая же история. Мы доехали до Воронежа, и минут 40 нас не выпускали, но мы подняли шум и начали все вместе стучать по стенам машины. Тогда нас выгнали без сумок и загнали в здание тюрьмы. Там нас посадили в камеру, дали по стакану чая и начали выгонять обратно. Мы не умылись, не отдохнули, даже в туалет не успели. И вот опять автозак, мы ехали без остановки, без воды...

М.А., 18 лет.

Наказание

Международные стандарты

Многочисленные неблагоприятные последствия для личности, которые, по-видимому, являются неизбежными при любом помещении в исправительное учреждение, совершенно очевидно не могут быть компенсированы воспитательной работой. Это особенно справедливо в отношении несовершеннолетних, которые подвержены отрицательным влияниям. Негативные последствия, связанные с изоляцией от общества, сказываются на несовершеннолетнем в большей степени, чем на взрослом, поскольку они затрагивают несовершеннолетнего на начальной стадии его развития.

Согласно Пекинским правилам, в тех случаях, когда несовершеннолетний должен быть помещен в исправительное учреждение, лишение свободы должно быть ограничено минимально необходимым сроком. Предпочтение должно отдаваться «открытым» учреждениям перед «закрытыми».

«Меры воздействия всегда должны быть соизмеримы не только с обстоятельствами и тяжестью правонарушения, но и с положением и потребностями несовершеннолетнего, а также с потребностями общества. Несовершеннолетнего правонарушителя не следует лишать личной свободы, если только он не признан виновным в совершении серьезного деяния с применением насилия против другого лица или в неоднократном совершении других серьезных правонарушений, а также в отсутствие другой соответствующей меры воздействия. При рассмотрении дела несовершеннолетнего вопрос о его или её благополучии должен служить определяющим фактором» (ПП 17.1, а, с, d).

И, конечно же, несовершеннолетние не могут подвергаться телесным наказаниям. Впрочем, так же как и взрослые правонарушители. Об этом говорит в целом ряде международных документов, в частности, в Европейской Конвенции о правах человека и защите основных свобод и Европейской Конвенции против пыток.

В воспитательной колонии

Бытовые условия, в которых сейчас живут подростки в воспитательных колониях, уже не пугают. Картинка сегодняшней детской колонии напоминает пионерский лагерь из советского прошлого, но, тем не менее, остается неволей, а жизнь за забором и колючей проволокой, день за днем, в течение нескольких лет — серьезным наказанием. Оно не проходит бесследно ни для кого. Но кто-то возвращается туда вновь, а кто-то нет...

Жанна Никулина, психолог Можайской воспитательной колонии

Я работаю в Можайской воспитательной колонии. У нас образцовая колония, и сейчас она преобразуется в воспитательный центр. Созданы очень хорошие условия, никаких двух этажных кроватей, это такое далекое прошлое. Воспитанники живут в комнатах по шесть человек, у них есть спорткомната со спортивным инвентарем и тренажерами, пятиразовое питание...

И школа в колонии гораздо лучше, чем любая школа в городе Можайске. Каждый класс оформлен в соответствии со своей спецификой, имеет различные стенды, наглядные пособия, интерактивные доски, возможности для лабораторных работ и многое другое. Ребята получают диплом государственного образца, есть ПТУ, где их готовят по пяти специальностям. Там тоже получают диплом об образовании единого государственного образца, с которым они могут трудоустроиться, причем, нигде не указывается, что этот диплом они получили в колонии.

С воспитанниками проводится социально-психологическая работа и просветительские мероприятия: 9 мая, Новый Год — ёлка, Дед Мороз, подарки, на Пасху привозили освященные куличи.

Одна из основных проблем — это то, что многие приходят в колонию уже с 3-4 условными сроками подряд и действительно не понимают, что такое условное осуждение. Нам приходится это объяснять уже тут, в колонии. Вот была амнистия, и многие не подпали под нее, так как у них было условное осуждение. А они не считали, что это судимость.

Но самая основная проблема, которую я вижу, — это насилие, с которым дети сталкиваются в своей жизни. У нас мальчик недавно освободился, а у него дома наркопритон по сути.

Мама к нему приезжала на свидание, а перед свиданием приняла наркотические средства, ей стало плохо, вызвали скорую, она отказалась от свидания. У нее даже не было денег, чтобы вернуться домой. Сын написал заявление: прошу снять деньги с моего счета... *(воспитанники в колонии работают, получают зарплату, и у них идет трудовой стаж)*, чтобы мать смогла доехать домой. А что такое для подростка, когда мать приехала и отказалась от свидания? Вот такие вот родители, вот такие семьи, откуда прибывают эти дети.

Многие подростки прибывают без документов, без паспорта, колония занимается оформлением паспортов. Или мать бросила сына соседке и уехала на Украину... Подобные случаи происходят постоянно. Мальчик в моем отряде получает пенсию по потере кормильца, отца у него нет, а мать сейчас сошлась с другим мужчиной, и они претендуют на эти пенсионные деньги, которые он получает.

Еще один мальчик — попал уже в третий раз! В пятнадцать лет, в шестнадцать и вот сейчас. Ребенок от первого брака, мама второй раз вышла замуж, семье он совершенно не нужен.

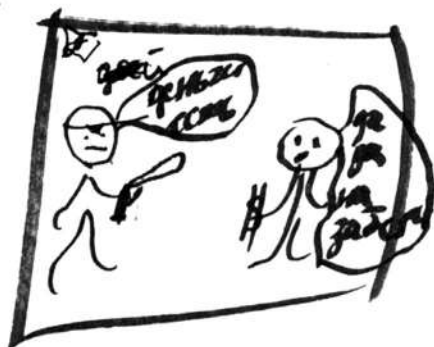
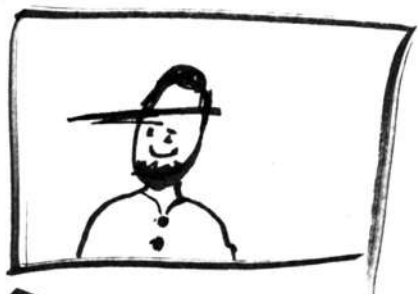
По статистике из 100 человек десять садятся вновь...

Пекинские правила

Согласно Пекинским правилам, воспитательная работа с несовершеннолетними, содержащимися в исправительных учреждениях, должна быть направлена на «обеспечение опеки, защиты, образования и профессиональной подготовки с целью оказания им помощи для выполнения социально-полезной и плодотворной роли в обществе». Подросткам должен обеспечиваться «уход, защита и вся необходимая помощь — социальная, психологическая, медицинская, физическая, а также помощь в области образования и профессиональной подготовки, — которые им могут потребоваться с учетом их возраста, пола и личности, а также интересов их полноценного развития».

Слобода

Хотеть не вредно!!!

Неволя как обыденность

Воспитанники Можайской ВК, которые находятся здесь уже не первый день, дали определение понятию «зона»: тюрьма, неволя, заточенье, зло, ложь, недоверие, место исправления, жизненное испытание, определенное место, это режим и нет свободы, жизненный путь, скука, негатив, зло, ад, жизнь вне воли, ограничение пространства, ПВР (*правила внутреннего распорядка*), военная зона, замкнутое помещение от общества, ограниченное пространство со своим обществом, со своими законами, со своими требованиями, аномальная зона...

Ребята рассказывают о том, чем заполнены их дни, какие в них самих происходят изменения.

Лето в этом году слишком необычное. Начну хотя бы с того, что встречено и проведено оно было в местах не столь отдаленных. Может быть, это покажется диким, но я настолько ко всему привыкла, что неволя уже обыденность.

Надежда Т., 16 лет

Вспоминаю всё, что было на свободе, каждый день все воспоминания перед глазами. Думаю о том, чтобы быстро прошел день, быстрее домой, так все мысли только о доме.

Ксения В.

Жаль, что всё так вышло. Тюрьма научила меня многому, тут всё то же самое, что и дома, что-то теряешь, что-то находишь. Только тут все чувства обострены. Сильнее чувствуешь любовь, дружбу, предательство. Мне нравится выражение «друг познаётся в беде» или в сложной ситуации. Вот и у меня так случилось.

Алёна Л., 17 лет.

Теперь осознаю — раньше любил футбол, покушать шашлычка, пива попить, а сейчас вот думаю: вот тут показали фильм про Зою Космодемьянскую, ну прослезился я даже... Вообще ведь не выиграли бы войну... и ветераны эти, сколько их уж остались... если б не они... надо, чтоб ветеранам было гордо за нас.

А.Т.

Время проходит быстро. Сидя здесь, я поняла, что сделала очень много необдуманных поступков. В течение дня я думаю о том, что происходило в моей жизни, чем я занималась, что любила, как училась, как работала, какой образ жизни вела. Чувства бывают разные, смотря, что вспоминаю. Я люблю лето, цветы, солнце, птичек. Зимой очень скучно, все белое и бесцветное. А летом все цветное и разное.

Н.

Я за полтора года привык уже ко всему. Всё, что происходит, ну, есть изменения, но незначительные. Всё протекает одинаково: ПТУ, школа, свободное время. Ты уже высчитываешь, сколько времени на что.

Э.

Подростки о правах человека

Наталия Дзядко

Подростки остро чувствуют несправедливость по отношению к себе и к другим, но чаще всего им не хватает опыта разрешения конфликтных ситуаций и восстановления справедливости. Правовые способы находятся вне поля их жизненного опыта. Понятие о правах человека расплывчато и не помогает в повседневной жизни. Наш Центр считает, что занятия, проводимые людьми с воли, могут оказаться действенным средством в овладении новым образом мышления и практически полезными навыками.

Международные конвенции формулируют права человека и отдельных групп населения и перечисляют основные обязательства государства по соблюдению этих прав. Знакомясь с этими документами, человек может изменить свое мировоззрение, сформировать новый взгляд на самого себя как на уникальную личность, которая достойна уважения уже по самому факту своего рождения. Кроме того, он может систематизировать свои знания о правах человека, получить представление о механизмах их защиты — через обращения в международные органы.

Для обычного человека это и возможность осознать значение и ценность своей личности, свою самооценку. И одновременно осознать необходимость уважать личность любого другого человека, как равного самому себе.

Что подростки-правонарушители знают о правах человека? Мы говорим об этом в воспитательной колонии. Нашим собеседникам 17-18 лет.

Что такое права человека, какие права вы знаете?

- В общем, у человека есть право на жизнь. Это главное право.
- Мы на уроке проходили про права человека, что каждый человек имеет право на бесплатную медицинскую помощь, чтобы милиция с ним нормально обращалась. Что ещё? Я не знаю, не помню больше.
- Чтоб людям жилось легче, на отдых, медицину, жизнь, на жилплощадь.
- Чтобы есть, пить, гулять *(до определенного времени — закон ограничивает, комендантский час — учили в школе)*.
- Право на образование, на бесплатное обучение — детям до 18 лет на бесплатное образование.
- И на медицину право! Только такое скудное, ты не можешь им воспользоваться.
- Право на жильё, на семью, на свободу слова.
- Право выбора религии у каждого свое — само по себе, вот я раньше жил в деревне во Владимирской области по воскресеньям с бабушкой ходил в церковь лет с 7-ми...
- Право на свободу слова. Дозволяется участвовать в различных митингах, которые не нарушают закон, не призывают к революции и свержению действующего строя. Также есть право на личную переписку, на бесплатное получение корреспонденции. Также есть право на труд.

— На всё человек имеет право, что не внесено в УК РФ. Дышать, бегать, прыгать, что угодно.

Свои мысли и мнения ребята выразили в рисунках и коллажах: «У меня есть право», «Я знаю, что у меня есть права и свобода слова», «Я имею право».

— Эй, почему ты играешь в мяч? — Потому что я имею право на отдых, а как мне отдыхать, я выбираю сам, потому что у меня есть право на выбор!

Есть ли выбор — соблюдать или не соблюдать свои права и права других людей, и как пользоваться своими правами?

Некоторым подросткам пришлось напрямую столкнуться с выбором. Например, с кем остаться при разводе родителей — с мамой или с папой. Но иногда право выбора ограничено.

Ребята вспоминают жизнь на свободе: «Свобода — это когда от тебя никто ничего не требует. А здесь — правила внутреннего распорядка, а на воле мы сами выбираем — пойти учиться, работать». «Так ты дома был свободен?» — «Да, мог пойти или не пойти в школу. Например, в среду проснулся, а пойти не хочется, а надо, чтоб не пропустил тему, а большинству темы не нужны... ну, для мозга, для развития...».

И был у них интернет, онлайн игры, кто-то помогал друзьям ремонтировать скутеры, машины — одного даже приглашали на работу в автобазу: все умеет — и двигатель перебрать, и настроить цепь. Другой играл на гитаре, самоучка, только настраивать не умел.

Много, кто на воле ходил на футбол, баскетбол — весь поселок играл, на все время было. Один рассказывает: «бежишь,

сумку выхватишь, на бегу поглядишь, чего надо возьмешь, бросишь и дальше бежишь». Ну, а потом, естественно, условный срок. Но он впечатления ни на кого не произвел, все чувствовали безнаказанность. По решению суда условное наказание может быть сроком в год, два, три, несколько месяцев, и только от самого тебя зависит, сколько оно будет длиться, «доходишь ли до конца срока». А может быть и так: «4 часа чувствовал себя свободным! Как только вышел из суда, сразу позвонил подельнику — поделился радостью, а отпраздновать-то деньги были нужны, вот магазин и ограбили. Блин, надо было сразу посадить...».

Теперь вот практически всех родители спрашивают на свидании: ты осознал? И ребята говорят: «чтобы осознал, что сделал, чтобы исправился — должен быть справедливый суд, каждый имеет право на справедливый суд».

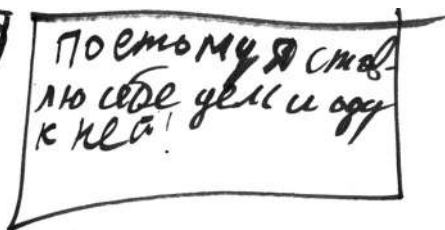
Какие «права человека», то есть твои права, были нарушены?

— У нас все права отбирают сразу. «Вы имеете право хранить молчание» — какую-то чушь начинают нести сразу, начинается допрос, а допрос — это больно.

— Когда мне условный срок давали по моей статье, то и я много прав нарушил, и мои права нарушили, и всегда так было и будет. При задержании мне не показали удостоверение сотрудника милиции. Меня, несовершеннолетнего, не должны были везти в отделение милиции на обычной машине, без признаков милицейской. Обыскивали меня без двух понятых, без присутствия моего законного представителя, мамы, например. Допрашивали без адвоката, держали в отделении дольше четырёх часов.

— А если бы чего—то стал добиваться, то применили бы физическую силу, потому что против лома нет приёма.

— Вот человек в 7 лет идёт в школу, правильно? Ну, например, если человек младенец, его же обязаны в роддом взять, он же личность, правда, неразвитая, и его обязаны и на медицинское обеспечение взять, не знаю, страховки какие-то. Право на образование, естественно. В школу, в ПУ. Есть приюты, и человека не выкинут, не имеют права. Ну, а в 18 лет человек сам выбирает, как ему жить, и какие у него жизненные перспективы. Можно по тюрьмам, ну, если он в 20 лет очухается, то пойдёт на работу, получит образование.

МАРС

СВИН-ПАУК

Но жет прыткис он
покажт
кѣм а он не может
он же свин,

Здесь мир совсем другой

— Почему милиционеры не любят фильмы про милиционеров, а врачи не любят фильмы про врачей? Зеки не любят фильмы про зеков, потому что вы никогда не покажете то, что есть. Да посидите вы здесь год, или два, и вы поймёте! Приходишь вечером, вот парню что-то надо у начальства узнать, а он не может, и лежит здоровый пацан головой в подушку и плачет. Морально человека забить знаете как легко? Зная его запасы, слабости, да любого можно забить.

— Некоторые — крысят, стукачеством занимаются. Здесь таких ненавидят. Ты просто покурил не в том месте, тебе сразу на КПП отправляют, «беседы» проводят. Когда ты в санчасть приходишь, после этих «бесед», говоришь: «ребро болит», и они сразу говорят: «Упал?». Они-то знают, что ты не упал. Стукачу морду разбил, так тебя вечером, после отбоя, троём-четвером ногами на КПП ногами забивают.

— Здесь мир совсем другой, нельзя там перестроиться. Некоторые к тому миру приспособляются, а некоторые — нет.

— Когда люди вскрываются (*вены режут*), сотрудники делают так, чтобы это никогда не выплыло. Вот мой шрам, смотрите. Кто докажет, что я — вскрылся? У меня ни в одном моём деле, нигде не стоит, что я склонен к суициду, и никто это не докажет. Написано в бумажках, что я поцарапался о ворота, да я и сам расписался, что это так. Проверяющие приезжают, видят наши радостные лица, когда мы фильм смотрим и психолога слушаем. А в головах у нас совсем другое.

— Сидел со мной пацан. Два года мать не видел. Должна была к нему приехать на длительное свидание. А он одному там в морду дал, у него вылез маленький синяк, с ноготок.

Его за это — в ДИЗО, и на длительное свидание никак не попадал. Я с парнишкой одним нашёл того и нашлёпал ему. На вечерней проверке он нас сдал. Нас дёргали по одному на КПП и пинали. Потом унизили наше человеческое достоинство, не буду рассказывать, как. В лицо плюнули. И я вскрывлся. И тогда они, чтобы проверяющие их самих не упекли, оформили это дело так, что я, будто бы, работал на благосостояние колонии и поранился. А мы, на самом деле, все такие положительные. Мама того парня на свидание приехала, но из ДИЗО его так и не подняли.

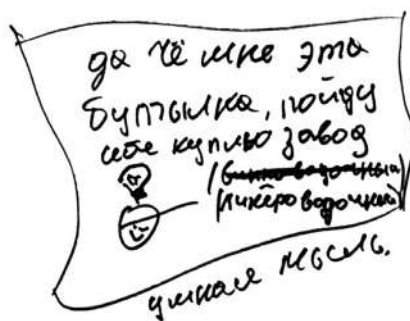
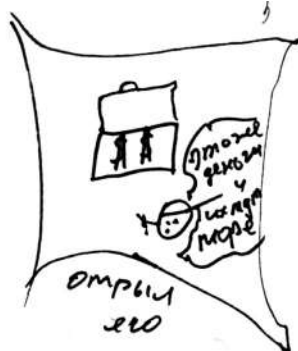

* * *

Срок рано или поздно кончается, и ребята мечтают о свободе и о реальной возможности выбора: «пойти учиться на повара—кондитера, сесть на свою машину, поехать на свою работу, или отремонтировать машины, скутеры — эту работу самому себе выбрать».

Планируют первые шаги: каждый посидит дома с родителями — неделю, месяц или чуть-чуть, пойдет прогуляться с девушкой... захочется — выпьет пива, самому себе поставит задачу, норму, если завтра рабочий день, то «отдыхать» в пределах разумного.

В историях многих подростков прослеживается очень сильный разрыв между актуальной ситуацией, то есть колонией и свободой, которая представляется прекрасной мечтой, где все у них сложится наилучшим образом. Причем почти ни у кого нет идей о том, каким именно образом, что конкретно им бы хотелось изменить и привнести в свою жизнь, и как они это будут делать. Формально существуют школы подготовки к освобождению, но фактически подростки не осваивают необходимые социальные навыки, которые будут им необходимы после освобождения. У колонии нет возможности построить «мост» между подростком и социальным окружением, которое будет поддерживать его после освобождения. Это тоже можно отнести к нарушению прав детей, так как такое положение дел не обеспечивает полноценное развитие подростка.

Когда я выйду на свободу...

После освобождения я хочу попросить прощения у моей мамы, бабушки и прабабушки, потому что я не понимал, что делаю. Сейчас, когда выйду, хочу закончить школу и колледж, и пойти работать автослесарем, потом завести семью. Честно, пацаны, не лезьте в эту кашу, а то она вас измажет.

Дмитрий И., 18 лет.

Пойду учиться на повара — кондитера, ну отдохну сначала месяц, полтора, два или полгода. Ну, и съездить куда-нибудь, в Египет, на отдых: проснулся и все нравится! Ну, на пляжу полежать, на солнышке, мороженого поесть... отдохнуть от тюрьмы, от всего, ...все требуют, требуют. Не понимал на воле, как быстро все это надоест, знаете, чувствовать заключение — это тяжело, каждый день одно и то же, вот только приедет кто-нибудь...

N.

Я очень хочу попросить прощения у своих потерпевших и родных за то, что причинила им много боли. За то, что была эгоисткой. Хочу начать жизнь с чистого листа. И я знаю, что у меня получится. И знаете, почему? Потому что я верю, надеюсь, люблю.

П.О.

В первую же минуту я переоденусь в нормальную вольную одежду, в лучшую одежду, которая мне очень нравится (*штаны Ribok, кроссовки Ribok, футболочка, кофточка, балахончик — все серенькое, и поверх балахончика бежево-белую жилеточку*).

Антон Т.

Я думаю, что когда я выйду на свободу — это будет обычный день. Меня встретят мои мама и бабушка, я поеду на машине через Бородино и многие другие достопримечательности, но уже в другой одежде. Первое, что я увижу — это родители и дядя, второе — это

ворота Можайской ВК с другой стороны. Я буду в этот момент очень и очень счастлив. А когда приеду уже домой, то я около недели про-
сижу дома, а затем пойду учиться и восстанавливать все упущенное,
со временем заведу семью и т.д.

Т.

Когда выйду на свободу, я сяду в машину и поеду домой. Заеду на
кладбище к сестре и бабушке, потом поеду гулять. В сентябре пойду
учиться на повара.

Н.

Я могу сказать, что я буду делать на воле. Вот я освобожусь, если я
освобожусь по УДО, то я устроюсь на работу. Наверное, не на хорошую
работу. На стройку какую-нибудь. Там, в принципе, платят хорошо.
У меня мама работает на стройке, и это не моё даже право на труд,
а так, по знакомству. Потому что если я пойду в центр занятости,
то меня или отфутболят, или дадут какую-то работу за 10 тысяч в
месяц, а на мамину шею я ж не сяду, правильно? На стройке неплохая
зарботная плата, 40 тысяч. Конечно, попотеть придётся, ну ничего,
потом и кровью. Штукатурить буду. То есть, полгода я буду работать,
потом пойду заочно учиться. Я сдал ЕГЭ, по русскому языку получил
46, по математике — 49.

Евгений О.

Способствовать развитию самоуважения и уважения к другим людям...

Елена Осипова, психолог МГППУ

У нас обществе есть такое понимание, что дети, попавшие в тюрьму, они какие-то особенные. Меня часто спрашивают — а тебе не страшно с ними работать? На самом деле это обычные дети, ничем не отличающиеся от всех других. Возможно, рядом с ними в детстве были трудные взрослые, что, в конце концов, и привело этих детей в тюрьму.

Достаточно часто можно услышать мнение о том, что подростки, попавшие в воспитательные колонии, зависимы, неопытны, недисциплинированные и нуждаются в руководстве и направлении. До личной встречи с этими подростками я готова была к этому мнению прислушаться, а может быть и согласиться. Но, встретившись с ними в колонии, я убедилась, что в жизни этих детей до того, как они попали в исправительное учреждение, их свобода была либо безграничной, либо отсутствовала, их мнение не учитывалось, их права нарушались значимыми взрослыми — и это основная причина их правонарушений и преступлений.

Представление о правах ребенка у них присутствовало на уровне бытового правовоспитания, перенятого от родителей с крайне низким уровнем правосознания. В обучающий процесс этот вопрос не был включен ни в учебных заведениях на свободе, ни в колонии. В семье, бытовых, уличных отношениях они с раннего детства видели разрешение вопросов с точки зрения силы.

Требую от подростков соблюдения порядка, правил поведения в обществе и прав других людей, мы забываем зачастую о том, что основы поведения закладываются, прежде всего, в семье. Мы забываем о том, что прежде чем требовать от детей соблюдения прав других людей, мы должны научиться соблюдать их права.

Большинство из этих ребят на себе испытывали как физическое, так и психологическое насилие. Росли либо в семьях с антисоциальным поведением родителей, либо в семьях, где родителям было не до них. Основными стилями воспитания был либо авторитарный, либо попустительский. И тот, и другой не являлся примером воспитания в ребенке самоуважения и уважения к другим. Разрешение вопросов с точки зрения силы было естественным для большинства из этих подростков. Рассказывая им о Конвенции и Декларации о правах человека, мы не в состоянии сформировать правовую культуру у данных подростков, т.к. её основой, прежде всего, является правовая культура взрослых, которые находятся рядом, и их соответствующее поведение. Однако мы можем способствовать развитию в них самоуважения и уважения к другим людям.

Каждый ребенок должен знать как свои права, так и свои обязанности, чтобы воспользоваться ими в нужной для него ситуации. Учитывая возрастные особенности, изменения и индивидуальные особенности подростков, а так же их социальное положение и нахождение длительное время в условиях десоциализации, проводя правовые занятия в интерактивной форме, возможно изменить их представление о нормах и правилах и, соответственно, научить их самостоятельно выбирать иные способы поведения в различных ситуациях.

Соблюдение их прав в исправительных учреждениях, является одним из самых важных этапов в процессе формирования у подростков правосознания и правовой культуры.

«Трудные дети» — тематические дискуссии в ЦДХ

По опросу ВЦИОМ, самые плохо реализуемые сегодня права детей — право на защиту от насилия и жестокого обращения (*37 пунктов из 100*), и защиту от информации, наносящей вред их здоровью и нравственному развитию (*30 пунктов*).

Вот уже в течение нескольких лет Центральный дом художника предоставляет нам возможность собрать заинтересованную аудиторию, у которой есть потребность высказаться по сложным, неоднозначным темам, связанным с трудностями воспитания подростков, приблизившихся к черте, за которой лежит уголовная ответственность, или уже переступивших её. Так или иначе, разговор всегда касается прав ребенка и прав человека. Как показали дискуссии, понятия о правах человека в сознании наших, даже «продвинутых», граждан весьма разнообразны и порой запутаны.

В 2011 году дискуссия прошла, исходя из посыла, что для многих людей в нашей стране вообще непонятно, почему ребенка надо обучать правам человека... Чаще всего в процессе воспитания взрослые полагаются на традиционные «кнут и пряник», на дисциплину, родительское чутьё, в лучшем случае — на любовь, в худшем — им вообще некогда всерьез заниматься своими детьми.

На фоне этих интуитивных, унаследованных от предков приемов, подходы, основанные на уважении прав ребенка, звучат как посягательство на права родителей, ограничение их власти в собственной семье с разными непредсказуемыми последствиями.

Между тем, мир развивается стремительно, технологически и социально, соответственно усложняются и отношения

человека с государством. Становится все труднее следить за постоянно растущим количеством норм, правил, законов, ограничений, нарушение которых может иметь даже уголовные последствия. В результате подросток входит в мир, полный «засад», многие из которых он не осознает. Школьные учебники не успевают зафиксировать все инновации, учителя не могут вовремя их воспринять, да и сама школа — это шанс, который используют далеко не все. Кроме того, школа никогда и не была «школой жизни».

Родителям, занятым всем тем, чем они обычно занимаются, ещё труднее уследить за всеми переменами правового поля и реалий, они тоже не могут своевременно воспринять их, переплавить в собственный опыт и учить нем своих детей. В горячке повседневных забот о хлебе насущном, другие аспекты заботы о детях не получают должного внимания. Это приводит к потере «ближнего контакта» с ребенком, особенно в подростковом возрасте. Последствия этого мы встречаем каждый раз, приезжая в колонии для несовершеннолетних.

Ребенок имеет право на заботу родителей и на опеку со стороны государства. Кроме того — имеет право и на свободу от этой опеки, которая увеличивается по мере его взросления. Далеко не всегда он в состоянии справиться с этой свободой. Впрочем, это происходит сплошь и рядом и со взрослыми. «Ограничьте меня в чем-нибудь!» — в отчаянии просит девушка, которой исполнилось 18 лет и которой теперь «можно все». «Им теперь дали столько прав — и никаких обязанностей!» — восклицает учительница с 50-летним стажем работы в школе воспитательной колонии. — «Они совсем не хотят учиться». А в то же время, как замечали участники дискуссий, в нашей стране «права и свободы носят скорее декларативный, чем прикладной характер, так как власти

считают, что общество ещё не созрело, чтобы распоряжаться ими «разумно».

Обладание правами, свобода — все это влечет ответственность. Это ли не цель воспитания человека и гражданина? Воспитание, основанное на концепции прав человека, открывает поистине уникальные возможности для роста человека как индивидуума и одновременно полностью социализированной личности.

Мария Московская, библиотекарь:

Дискуссия о том, надо ли детям рассказывать об их правах и как это делать, стала прекрасной иллюстрацией Гончаровского «Да полно дичь пороть!»...

Пришли столичные, традиционно ориентированные родители и с серьезным видом стали доказывать, что знание своих прав только расшатывает семью, а бить ребенка, может, и нельзя, но шлепать — дело святое. И вообще, их педагогический идеал — семья Романовых, где детям хоть и не позволяли играть каждый день в настольные игры, но росли они в любви и согласии, а не в боях за свои права. И вообще: «воспитывать нужно не в праве, а в любви».

А вы говорите, построение гражданского общества... Какое уж тут общество, в котором каждый сидит за своим засовом и псалтырь читает, от «немцев да басурман» любого хаоса ожидает, а от школьных училок и начальства — самого светлого, мудрого и эффективного. По умолчанию, ибо власть.

Людям с таким мышлением придется объяснять долго, терпеливо, кропотливо (как в шварцевском «Драконе»), что время движется вперед и ни в каком другом направлении. Что общество не есть государство, а ювенальная юстиция необходима, как любая другая. Что образование

и просвещение не вытеснят из повседневности любовь и уважение, а только упрочат семейные, дружеские и прочие узы, и что общаться можно и нужно. Нам всем. Западникам и славянофилам, политикам и правозащитникам, психологам и священнослужителям... Многим сейчас свойственно искреннее желание отбыть назад, в традицию, в незамутненное средневековье. У нас вообще много народу стремится не вперед, и даже не в настоящее, а почему-то назад. А что там, назад хорошего? Может, перечитать Андерсена «Калоши счастья»?!

Анна Красникова, филолог, преподаватель Института лингвистики РГГУ:

Как сделать так, чтобы подростки в тюрьму не попадали?! Все начинается в семье. Одно из направлений профилактики — рассказывать взрослым, что насилие в семье недопустимо. Шлепнуть по попе это тоже насилие. Психологическое насилие — тоже насилие. Ребенок, который вырос в системе насилия, отвечает насилием на решение каких-то проблем. Так возникла идея сборника «Трудные дети. Трудные взрослые» — о том, что насилие есть, как можно его избежать, к чему оно приводит.

Мы пытаемся проводить параллели между насилием, которые практикуются в семье, и насилием в государстве. Во многих странах сейчас практикуется система медиации, т.е. подростка не сразу запикивают в тюрьму, подростку как-то пытаются помочь, не ставят сразу крест. ... Наказание уместно и полезно лишь при некоторых, ограниченных, условиях. В других случаях — медиация — попытка помочь семье, попытка добиться осознания подростком того, что он нехорошо поступил.

Наталия Дзядко, директор Центра содействия реформе уголовного правосудия: К вопросу о профилактике правонарушений — сегодняшней детской тюрьмой испугать подростков невозможно. И нельзя недооценивать тех плюсов, которые тюрьма несет — режим, дисциплина, постоянная работа, которая там ведется.

Елена Осипова, психолог, волонтер Центра содействия: В колонии, по сути, зачастую они проходят то обучение, которое должны были пройти в семье, рядом со своими мамами, со своими близкими... И колония им дала очень много знаний, много понимания.

Светлана Бодрова, психолог, УИИ г. Москва:

Я полностью согласна, что в первую очередь нужно работать со взрослыми, с трудными взрослыми. Осужденных очень много, повторы совершаются. К сожалению, недостаточно времени у нас для работы с родителями. Мы работаем и со взрослыми, и с подростками, и с сотрудниками.

Рудешина Татьяна Валерьевна, библиотека им. Гайдара:

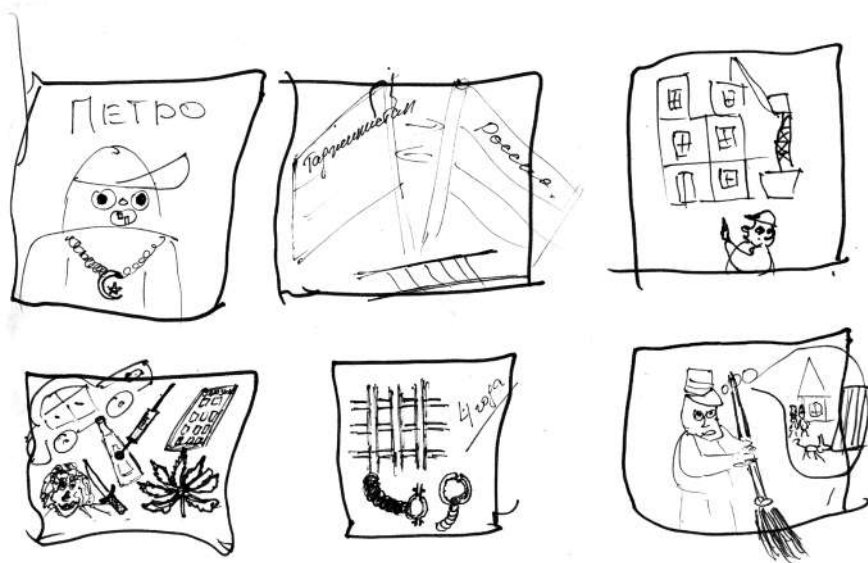
Необходима гуманизация сознания. Бытует мнение, что те, кто оказался за гранью закона, в тюрьме, уже выброшен за борт жизни. Категория свободы как нравственная категория и особенная человеческая ценность — это необходимо не только тем, кто осужден, но и для общества в целом.

Анна Шимилис, психолог, волонтер Центра содействия:

Каждая встреча с подростками в воспитательной колонии — особенная, беседы всегда разные и немаловажные — от разговора об условном сроке до прав человека. Кроме того,

с нами приезжают различные люди — археологи, художники, архитекторы, которые рассказывают ребятам о своей профессии. Это оказывается для них очень важным — ценной информацией, которая помогает им что-то понять про себя, про свое будущее, у них есть возможность задавать нам вопросы, мы общаемся с ними. Это то, чего не хватает подросткам в заключении. И что-то меняется в лучшую сторону.

Благодаря книгам и методическим материалам Центра «Содействие» есть возможность помочь широкому кругу людей понять, как быть с этими подростками, понять их истории, как можно помочь...

Центр содействия реформе уголовного правосудия

О центре

Старейшая правозащитная организация, созданная бывшим политзаключенным Валерием Абрамкиным в 1988 году при поддержке академика Андрея Сахарова. Занимается проблемами заключенных и всех, кто попадает в сферу действия уголовного правосудия. Выступает за реабилитационно-восстановительную концепцию уголовного наказания. Поддерживает максимально широкое участие общества в судьбе заключенных до и после освобождения.

Наши программы

«Реформа-21» Выработка предложений, направленных на создание системы исполнения наказаний, отвечающей стандартам 21-го века.

«Тюрьма и воля» Программа социально-правового сопровождения и оказания гуманитарной поддержки осужденным несовершеннолетним и женщинам до и после освобождения; включает в себя вовлечение представителей различных социальных и профессиональных групп в работу с заключенными в целях их реабилитации и подготовки к выходу на свободу.

«Знай свои права!» Программа правовой поддержки заключенных посредством издания серии брошюр «Знай свои права!» и дистанционных правовых консультаций для заключенных по переписке.

«Облака» Выпуск еженедельной информационно-просветительской радиопередачи «Облака» (*Радио России*) — «о заключенных, для заключенных и для всех тех, кому небезразлична их судьба».

«Гражданский контроль» Работа в общественных наблюдательных комиссиях по контролю за соблюдением прав человека в местах принудительного содержания г. Москвы и Московской области.

«Осторожно, тюрьма» Создание и распространение информационных и методических материалов для различной аудитории: специалистов, работающих с несовершеннолетними, представителей общественных организаций, родителей, подростков группы риска и правонарушителей, в т.ч. лишенных свободы.

«Культпросвет» Организация групповых и массовых мероприятий культурно-просветительской направленности в колониях для несовершеннолетних; вовлечение осужденных в творческую деятельность для достижения целей их реабилитации и социальной адаптации.

Наши контакты

101000, Москва, Лучников переулок, д. 4, комн. 7
+7 499 978-29-82, +7 495 621-10-24
sodeistvie@prison.org
www.prison.org

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Микопринт»

115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3